

- Сестрица Линби, ты слишком много думаешь. - Чжэнь Вэньцзюнь перевернулась на другой бок и посмотрела на неё. - С чего бы мне думать о таком? Я и мечтать о подобном не смею. В этот раз действительно было жутко, я едва не погибла в подземных стоках. Наверное, меня до сих пор немного держит этот подспудный страх. В эти два дня я сама не своя, никак не могу совладать с собой. Будь добра, извинись за меня перед госпожой. Я вовсе не собиралась умышленно дерзить ей.

- Раз уж у тебя в голове нет никаких глупых и путаных мыслей, зачем тогда просишь меня пойти извиниться за тебя?

- Ну... просто я у нас натура ранимая, совестно мне, неловко как-то.

- Ого, надо же! Оказывается, тебе бывает неловко.

- Сестрица Линби!

- Ладно-ладно, только не надо этих нежностей, а то меня аж мутит. Хорошо, так и быть, я замолвлю за тебя словечко, но вот обратит ли госпожа на это внимание, не знаю. Куда вероятнее, что госпожа даже близко не приняла твои капризы к сердцу, и это я вечно попусту извожу себя заботами.

Чжэнь Вэньцзюнь, лёжа на животе, лукаво улыбнулась Линби.

- И чему ты улыбаешься?

- Да вот пытаюсь сосчитать, сколько седых волос прибавилось у такой заботливой сестрицы.

- Если они и появились, то исключительно по твоей вине, - Линби поднялась на ноги и шутливо шлёпнула её по заднице. - А ну подъём! Ступай и сама признай ошибку перед госпожой, и дело с концом.

- Если я сейчас пойду к ней, разве это не докажет, что я только что солгала и на самом деле вовсю дулась на неё? Это же чистой воды саморазоблачение! - Чжэнь Вэньцзюнь принялась тереть себе виски. - К тому же ты сама только что сказала: госпожа вряд ли станет забивать себе голову моими глупостями. Ей ведь совершенно всё равно, радуюсь я или грущу, так о чём тут вообще говорить? Да и к тому же у меня и впрямь голова раскалывается, честное слово.

- Ну надо же, какая сообразительная, когда надо. Ладно, двигайся ближе, я разомну тебе голову, - Линби велела ей лечь поудобнее, широко растопырила пальцы и принялась с силой надавливать на кожу. Каждое её движение с точностью попадало в те самые точки, где у Чжэнь Вэньцзюнь ныло сильнее всего. Спустя пару минут пульсирующая боль заметно отступила.

- Ах, как хорошо, блаженство... На самом деле я и сама умею делать массаж, но когда разминаешь себя, руки вечно затекают и невозможно приложить нужную силу. Сестрица Линби лучшая.

Линби хмыкнула:

- Будучи служанкой госпожи, как можно не владеть такими базовыми навыками? До твоего появления все затёкшие и ноющие места у госпожи всегда разминала я. Искусству дыхательной практики и точечного массажа я ещё в детстве обучилась у своей матушки.

- У матушки? - Чжэнь Вэньцзюнь, кажется, впервые слышала, чтобы Линби рассказывала о своём прошлом.

- Угу, - при упоминании матери движения Линби стали более плавными и медленными, а взгляд устремился куда-то в сторону, словно она воскрешала в памяти картины, о которых не вспоминала уже очень давно. - Моя матушка была самой обычной женщиной из Пинцана. Работящей, простой и добродетельной. Чего, увы, нельзя сказать о моём отце. Тридцать лет назад мой отец был самым известным разбойником в окрестностях Пинцана. Всё случилось точь-в-точь как в уличных рассказах: отца ранили, когда за ним по пятам гнались заклятые враги, а матушка спасла ему жизнь и укрыла в своём доме. Так они и сошлись, а потом на свет появилась я. Боевыми искусствами я начала заниматься с самых малых лет именно под влиянием отца.

- А что случилось потом? - Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что в этой истории неизбежно должно последовать трагическое «потом». Точно так же, как случилось и с ней самой, ведь не будь той роковой перемены в судьбе, она бы тоже никогда не рассталась со своей матушкой.

- Потом враги отца всё-таки выследили его, ворвались в наш дом и вырезали всю мою семью.

Ресницы Чжэнь Вэньцзюнь дрогнули, и она на мгновение лишилась дара речи, не зная, какие слова утешения будут здесь уместны.

- Мне тогда было пять лет. Матушка успела спрятать меня в потайной нише под кроватью, и это спасло мне жизнь. Из своего раннего детства я помню немного, разве что основы боевых искусств, которые в меня заложили. Но ярче всего в память врезался образ залитой кровью матушки, которая, заталкивая меня в этот тайник, тихо шептала: «Помнишь, как мы играли в прятки? Сиди здесь тихо-тихо и не отзывайся, кто бы тебя ни звал».

Линби рассказывала об этом удивительно спокойно, однако в сознании Чжэнь Вэньцзюнь уже вовсю гремел звон скрецающихся клинков и явственно ощущался удушливый, бьющий в нос запах свежей крови.

- Я просидела в этой тёмной нише целые сутки, не смея даже пошевелинуться. Мимо проходил дядюшка Сяо, один из личных воинов семьи Вэй. Он решил заглянуть в дом, чтобы попросить глоток воды, и обнаружил, что вся семья жестоко убита. Говорят, в тот момент я не выдержала и тихонько заплакала. Так меня и нашли. Этот воин, дядюшка Сяо, сжалился над сиротой и привёл меня в поместье Вэй. Первые несколько лет я помогала при прачечной. Позже управляющий заметил, что я смышлёная, усердная, да к тому же немного владею боевыми искусствами, и приставил меня ухаживать за госпожой. Госпожа как-то раз брала нас с Сяохуа в путешествие по Великой Юй и специально сделала крюк, чтобы отыскать моё прежнее жилище. Она позволила мне как следует прибраться и очистить могилы моих отца и матушки.

Пусть после некоторых страшных потрясений характер госпожи изменился, став скрытным и непредсказуемым, она ни в коем случае не является чёрствой или бездушной. Когда я сказала, что она не придаёт значения твоим капризам, я имела в виду вовсе не то, что ей на тебя наплевать. Просто она не похожа на нас с тобой: в её сердце живут великие думы о судьбах Поднебесной. А что касается нас... Госпожа не из тех, кто станет разбрасываться красивыми словами, всю свою заботу она хранит глубоко в душе. Мы с Сяохуа готовы без колебаний отдать за неё свои жизни, и не только из чувства долга за её милость, но и потому, что всем сердцем желаем оберегать её. Так что ты давай, не вздумай зазнаваться и показывать характер только потому, что успела совершить пару подвигов.

- Да разве я такой человек, - едва слышно пробурчала Чжэнь Вэньцзюнь.

Она и раньше прекрасно знала, насколько безгранична преданность Линби и Сяохуа по отношению к Вэй Тинсюй. Поначалу Вэньцзюнь полагала, будто ими движет лишь страх перед суровыми методами барышни, однако искренние слова Линби окончательно подтвердили то, о чём она догадывалась в глубине души.

Всё, что Вэй Тинсюй являла миру на поверхности, неизменно несло в себе цель запутать и обольстить, однако сердце её оставалось нежным. Пусть ей довелось пережить нечеловеческие травмы, пусть ради самозащиты она укуталась в усыпанные шипами латы, но её сердце всё ещё хранило первозданное тепло.

Взять хотя бы прошлую ночь: в её руку мёртвой хваткой вцепились и неистово грызли в бреду, а она даже не разозлилась, да вдобавок позволила виновнице этого безумия мирно и спокойно спать, пока та сама не проснулась. Такого человека... и правда трудно не полюбить.

Припомнив свои недавние холодные и колкие речи в адрес Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила глубокое отвращение к собственной детской убогости. Их взаимные скрытые пикировки и тайное соперничество были прекрасно понятны обоим, вот только нынешнее её положение оставляло желать лучшего и весьма вероятно, что в этой дуэли она потерпит сокрушительное поражение.

Впрочем, существовало ли это беззвучное противостояние на самом деле, оставалось под большим вопросом. Куда вероятнее, что всё это было лишь плодом богатого воображения самой Чжэнь Вэньцзюнь. Каковы бы ни были истинные помыслы Вэй Тинсюй, у Вэньцзюнь не было ровно никаких причин для тревоги: с какой стороны ни посмотри, между ней и Вэй Тинсюй ничего не могло быть и быть не должно. Раз так, то все её метания не более чем беспочвенные страхи. Чжэнь Вэньцзюнь решила больше об этом не думать и положиться на волю судьбы.

То ли оттого, что разум её наконец прояснился, то ли оттого, что искусные руки Линби разогнали застой в её жилах, но вскоре головная боль полностью утихла, оставив лишь лёгкую слабость в конечностях. Линби предложила позвать господина Сюя, чтобы тот осмотрел её, но Вэньцзюнь замахала руками:

- Не надо, не надо! Я и сама могу определить своё состояние, незачем зря беспокоить господина Сюя.

К лекарю она по-прежнему относилась с крайней настороженностью, подозревая, что этот старик вполне может быть лазутчиком Се Фучэня, и потому стремилась свести общение с ним к минимуму.

За те четыре дня, что она отчаянно боролась за жизнь в подземных стоках, каждая минута была занята мыслями о выживании, так что она напрочь позабыла о делах с Се Фучэнем. И теперь, внезапно вспомнив об этом, она осознала: Янь Е мёртв уже много дней, её оправдательное письмо давно доставлено в поместье Се через надёжные руки, однако от семьи Се до сих пор не последовало абсолютно никакого ответа. Действительно ли они промолчали, или же весточка всё-таки приходила, но из-за её отсутствия в поместье попросту не попала к ней в руки?

При этой мысли Чжэнь Вэньцзюнь кубарем скатилась с постели и взволнованно спросила у Линби:

- За эти дни для меня не приходило никаких писем? Или, может, меня кто-то искал?

- Ах! - Линби внезапно хлопнула себя по лбу. - Не напомни ты, я бы и вовсе забыла! Два дня назад в поместье действительно приходил один мужчина и спрашивал тебя. Тебя тогда ещё не было, и слуги поместья доложили об этом мне. Я сама была по уши в делах, поэтому велела слугам проводить его в гостевые покои, чтобы он подождал там. А за эти два дня из-за твоих капризов у меня всё начисто из головы вылетело.

- Мужчина? - прежде на встречи с ней неизменно являлся сам Янь Е. Теперь, когда он мёртв, неужели новый связной семьи Се обнаглел до такой степени, что самовольно явился в поместье Вэй и преспокойно устроился в гостевой комнате?

- В каких именно гостевых покоях?! Живее веди меня к нему! - Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно поправила платье и наспех пригладила волосы. Перед самым выходом она проверила, на месте ли "Золотая Цикада", а затем невзначай скользнула ладонью по пояснице Линби - её гибкий меч тоже был при ней.

- Ты чего творишь? - удивлённо спросила Линби, которую так внезапно похлопали по талии.

- Этот человек может оказаться весьма опасным, возможно, это мой заклятый враг, - Чжэнь Вэньцзюнь заранее нацепила на посланника семьи Се ярлык «злодея». Если внутри завяжется короткий рукопашный бой или они сболтнут лишнего, так будет куда проще оправдаться перед служанкой.

- Враг? У тебя ещё и заклятые враги имеются?

- Да пруд пруди! До того как воссоединиться с госпожой, я колесила по миру вместе с труппой. А на дорогах Цзянху у кого, скажи на милость, не заведётся парочка-другая врагов?

Сжимая в руках оружие, обе девушки вихрем ворвались в гостевые покои. Даже не удосужившись постучать, они с силой распахнули дверь, готовые сразу пустить клинки в ход, чем едва не до смерти напугали Бу Цзе, мирно читавшего книгу. От неожиданности тот чуть не подпрыгнул до самого потолка.

- Это ты?! - в один голос изумлённо воскликнули Чжэнь Вэньцзюнь и Линби.

Бу Цзе, созерцая перед собой двух девиц с обнажённым, зловеще поблёскивающим оружием в руках, в полном замешательстве поспешно сложил ладони в приветственном жесте:

- Вэнь... Вэньшэн приветствует двух почтенных барышень. Позвольте узнать, в чём заключается вина Вэньшэна, раз вы соизволили обнажить против него клинки?

- А, я думала... Ничего, забудь, это я просто перестраховалась, - Чжэнь Вэньцзюнь поспешно убрала нож, и Линби вслед за ней опустила оружие.

- Так это же Бу Цзе! Какой ещё, к чёрту, враг... Вечно ты паникуешь на пустом месте.

Да уж, тут поневоле запаникуешь! Переступи порог покоев лазутчик семьи Се и тут не то что ножи, пришлось бы подкатывать стенобитные орудия, чтобы разнести здесь всё в щепки и замести следы.

- Надо же, ты всё-таки приехал, - у Чжэнь Вэньцзюнь были темы, которые она могла обсудить исключительно с Бу Цзе, и присутствие Линби здесь было совсем некстати. Поэтому она

повернулась к служанке:

- Бу Цзе не стоит оставаться в поместье Вэй. У госпожи слишком много забот, и она не любит, когда рядом находятся незнакомые люди. Сестрица Линби, у тебя ещё остались те вексели, что я давала тебе раньше?

- Да мне их совершенно негде было тратить, все до единой на месте.

- Не могла бы ты дать мне немного? Я отведу Бу Цзе наружу и подыщу ему какой-нибудь постоянный двор для ночлега.

- Конечно, я сейчас же принесу их вам.

Стоило Линби выйти, как Чжэнь Вэньцзюнь, убедившись, что поблизости никого нет, плотно затворила дверь и спросила Бу Цзе:

- Ну как? Есть ли какие-то известия о том человеке, которого я просила тебя отыскать?

- Докладываю госпоже: я обошёл весь Суйчуань вдоль и поперёк, но не нашёл абсолютно никаких зацепок. Продолжая поиски и объезжая остальные округа и уезды Великой Юй, можно потратить десятки лет. Если этот человек намеренно скрывается, выудить его одного на просторах всей Поднебесной задача почти невыполнимая.

Чжэнь Вэньцзюнь, разумеется, и сама это прекрасно понимала. Отправляя Бу Цзе на поиски, она не питала особых иллюзий: обнаружь он след - это стало бы величайшей удачей, а раз не нашёл - что ж, вполне закономерно, ведь она действительно взвалила на него непосильную задачу.

Линби принесла вексели и мимоходом сообщила, что в поместье Вэй только что прибыла Ли Яньи, так что ей нужно поспешить на помощь к остальным слугам.

- Будь добра, передай госпоже, что я отлучилась по важному делу, а как вернусь - сразу же явлюсь выразить почтение Её Высочеству, - произнесла Чжэнь Вэньцзюнь.

Линби торопливо убежала. Визит Ли Яньи пришёлся как нельзя кстати.

Чжэнь Вэньцзюнь велела запрячь повозку поместья Вэй и вместе с Бу Цзе покинула дом.

- Дело с поисками человека пока отложи в сторону. Прямо сейчас у меня есть для тебя куда более важное и неотложное поручение, - произнесла Чжэнь Вэньцзюнь.

- Прошу госпожу говорить без утайки. Вэньшэн ни единой живой душе не проговорится, даже барышне Линби ничего не будет известно, - Бу Цзе ещё по первым минутам их общения догадался, в чём дело: Чжэнь Вэньцзюнь намеренно утаивала разговор от Линби.

Бу Цзе действительно был на редкость смышлённым человеком, а Вэньцзюнь свято верила: когда имеешь дело с умным человеком, то даже на чужбине, имея в руках достаточно серебра, можно творить всё, что душе угодно.

- Я хочу, чтобы ты помог мне убить двух человек.

Она привела Бу Цзе в самый роскошный и дорогой постоянный двор Жунина, устроила его в покоях высшего разряда и вдобавок щедро одарила трактирного слугу двумя большими серебряными слитками, велев тому купить и принести для Бу Цзе добротные одежды, чтобы

сменить его прежнее одеяние.

Едва двери комнаты закрылись, Чжэнь Вэньцзюнь назвала Бу Цзе имена братьев Тэн и подробно описала их приметы, особо подчеркнув, что устранить этих двоих нужно чисто, не оставив ни единого следа.

Бу Цзе не стал задавать лишних вопросов: кого бы госпожа ни приказала убить, он без колебаний принимал приказ.

- И ты даже не спросишь меня, почему?

- Для меня совершенно неважно, почему госпожа желает смерти этим братьям. Раз они до сих пор живы, значит, непременно стоят поперёк дороги у госпожи. Раз так, Бу Цзе просто поможет госпоже от них избавиться.

- Это будет трудно исполнить?

- Совсем не трудно.

- Вот и отлично.

Иметь под рукой такого способного и исполнительного помощника, как Бу Цзе, действительно избавляло Чжэнь Вэньцзюнь от массы хлопот. Сама она ужасно опасалась козней со стороны семьи Се, не зная, что на самом деле замышляет Се Фучэнь, и уж тем более не представляя, как далеко продвинулось расследование Вэй Тинсюй. Если госпожа вела поиски, то не вышла ли она уже на след братьев Тэн? Эта недавняя эпопея с похищением Змеиного жетона отняла слишком много драгоценного времени, из-за чего Вэньцзюнь упустила множество важных новостей.

Но сильнее всего её тревожила пугающая реакция... вернее, полное её отсутствие со стороны Се Фучэня.

Даже если до Се Фучэня не дошло её оправдательное письмо, он уже давно должен был узнать о гибели Янь Е. Почему же от него до сих пор нет абсолютно никаких ответных действий? Чжэнь Вэньцзюнь была уверена, что в таком деле, как передача тайных вестей лазутчику, Се Фучэнь никогда бы не допустил оплошности. Он не мог не знать, находится она в поместье Вэй или нет. Оставался лишь один-единственный вывод: от него действительно не было никаких распоряжений для неё.

И на обратном пути в поместье Вэй в её голове внезапно родилась одна леденящая душу мысль, от которой мороз пробежался по её коже.

Се Фучэнь приказал ей убить Ли Яньи, и этим приказом, подкреплённым угрозой жизни её матушки, он загнал её в угол. Она отчаянно пыталась найти способ противодействия, но внезапное вмешательство Вэй Тинсюй в одночасье разрушило весь её замысел. Разве мог Се Фучэнь спустить ей это с рук и не наказать? Если бы она могла безнаказанно своевольничать и полностью выйти из-под его контроля, а её матушка при этом никак не пострадала, то ради чего ей в будущем оставаться безвольной фигурой на его шахматной доске и покорно сносить любые угрозы?

Но после всей этой бури Се Фучэнь не прислал ей какую-нибудь отрезанную часть тела матушки, не прислал даже мимолётного письменного предупреждения. Он вёл себя так, словно до смерти боялся разоблачения.

Если развивать эту мысль дальше, неизбежно вырисовывался один пугающий исход, в который Чжэнь Вэньцзюнь категорически не хотелось верить. Матушка, скорее всего, уже давно мертва, и семья Се попросту всё это время тщательно скрывала этот факт.

Только в случае смерти матушки рычаг давления на неё терял всякий смысл. Её матушка всегда отличалась редкой мудростью и силой духа, даже будучи схваченной и запертой в темнице, она не могла не понимать, что происходит вокруг. Весьма вероятно, что матушка решила сама оборвать свою жизнь, чтобы избавить дочь от позорной участи «живого заложника».

Существовал, конечно, и другой вариант где матушка сумела вырваться из когтей Се Фучэня и бежать. Но, оказавшись она на свободе, она бы непременно пришла на поиски дочери. Матушка обладала невероятными возможностями и знала все тонкости шпионажа семьи Се, так что разыскать след собственного ребёнка для неё не составило бы труда. Однако теперь, когда даже Бу Цзе после столь тщательных поисков не обнаружил ровно никаких зацепок, эта вероятность казалась ничтожно малой.

Матушка... жива ли ты ещё в этом мире?

Дождевые капли одна за другой тяжело падали на тыльную сторону ладони Чжэнь Вэньцзюнь, державшей поводья, и от каждого этого удара на душе у неё становилось всё холоднее и холоднее.

В серой, затянутой тучами выси ничего не было.

Бог весть, сколько уже лил этот проклятый дождь, и одному небу было известно, сколько ему ещё суждено лить.

Ли Яньи велела содрать шкуры со вчерашних охотничьих трофеев и привезла Вэй Луню два отличных оленьих тулупа.

- С этими непрекращающимися дождями и не заметишь, как наступит осень. Осень в Жунине всегда скоротечна: не успеешь оглянуться, как уже всюду завойют северные ветры. Я велела мастерам тщательно раскроить и сшить эти оленьи шкуры, для защиты от холода они должны сослужить неплохую службу. Ну же, господин Вэй, примерьте, посмотрите, пришлись ли они впору, - Ли Яньи лично помогла Вэй Луню облачиться в тулуп и удовлетворённо улыбнулась:

- Господин Вэй статен и благороден лицом, на вас любая одежда сидит безупречно.

Вэй Лунь, растроганный столь великой милостью, поспешил было пасть ниц, чтобы выразить благодарность, но Ли Яньи бережно придержала его за локоть, заметив, что после столь тяжёлых увечий ему ни к чему обременять себя поклонами.

Вэй Тинсюй, Чжансунь Яо и остальные союзные министры расположились по обеим сторонам зала. Слуги без конца подносили свежие плоды и изысканные яства, пока Вэй Лунь с улыбкой пересказывал им подробности изощрённых пыток, через которые ему довелось пройти в императорской тюрьме. От этих речей у прислуживавших в поместье домашних рабов лица невольно искажались, выдавая неподдельный страх.

- Жупин, то, что ты сумел выбраться из императорской тюрьмы живым, делает тебя легендарной фигурой в истории Великой Юй. - Чжансунь Яо чаша за чашей беспрестанно

вливал в себя вино, так что его лицо очень быстро залил густой румянец. Начиная с того, что Цзо Сюй и Линь Цюань один за другим пали от рук убийц, а затем и Вэй Лунь оказался за решёткой - из всех трёх гунов он один остался вести эту яростную борьбу, возглавив остальных чиновников для подачи совместных прошений. Давление на него было колоссальным. И теперь, когда Вэй Лунь наконец вернулся, он мог хотя бы немного перевести дух.

- Все те мелкие уловки палачей послужили лишь для того, чтобы размять мои старые кости. С годами я совсем перестал давать телу волю, так что в этот раз мне даже по-своему понравилось, - от этих благодушных слов Вэй Луня присутствующие в зале разразились дружным, залившимся смехом, и во всей парадной зальной комнате воцарилась на редкость тёплая и доброжелательная атмосфера.

Сяохуа стояла рядом с Вэй Тинсюй, помогая ей чистить фрукты и резать мясо. Хотя Вэй Тинсюй смотрела в сторону Вэй Луня и Ли Яньи, иногда улыбаясь, Сяохуа знала, что она не была рада по-настоящему.

Вэй Тинсюй никогда не ела пищу в шумной обстановке или при посторонних, однако сегодня, вопреки своим привычкам, она взяла с подноса ягоду ежевики. Но стоило ей поднести её к губам, как она поняла, что поступает опрометчиво. Слегка смутившись, она лишь вдохнула её аромат и положила обратно.

Вэй Тинсюй скрыла это секундное замешательство безупречно, и никто из гостей не заметил в её поведении ничего странного. Вот только Сяохуа сразу поняла, что госпожа витает в облаках. Уголки её губ были опущены, и она явно не собиралась озарять присутствующих своей привычной мягкой улыбкой. Это было самое подавленное состояние Вэй Тинсюй.

У госпожи было тяжело на душе.

Но госпожа никогда бы с ней не поделилась своими мыслями.

Когда Чжэнь Вэньцзюнь вернулась в поместье, Ли Яньи уже уехала. Услышав эту новость, Вэньцзюнь с облегчением вздохнула: пусть с принцессой и было легко ладить, но статус высокопоставленной особы обязывал соблюдать кучу церемоний, да и каждое слово приходилось тщательно взвешивать. Раз уж уехала, и бог с ней, а сама она пойдёт поспать.

Да, именно поспать.

Ей и самой хотелось, чтобы её разум соображал быстрее, чтобы она могла распланировать грядущие действия, но прямо сейчас её мысли напоминали кусок мыльного корня, растворившегося в воде, и ничего невозможно было разобрать, всё превратилось в сплошную кашу. И пусть она проснулась не так давно, ей до безумия хотелось спать. Просто завалиться в постель и проспать до скончания веков.

Едва она вошла в комнату и скинула верхнее одеяние, как в дверь тихонько постучали.

- Сестрица Линби? - зевнув, лениво отозвалась Чжэнь Вэньцзюнь. - С Бу Цзе я уже всё устроила, можешь не переживать. Я ложусь спать, увидимся завтра.

За дверью на мгновение воцарилась тишина, а затем послышался голос:

- Это я, сестрица.

Это была Вэй Тинсуй.

- Госпожа?! Погодите секунду! - Чжэнь Вэньцзюнь кубарем бросилась поднимать брошенные на ковёр одежды, в спешке и суматохе натягивая их на себя. Кое-как поправив перед бронзовым зеркалом накренившийся пучок волос, она подбежала и отворила дверь.

На пороге стояла одна лишь Вэй Тинсуй, рядом не было ни Линби, ни Сяохуа.

- Как ты себя чувствуешь, сестрица? Линби сказала мне, что ты отказалась от осмотра господина Сюя. Быть может, ты посчитала, что общаться со старым лекарем тебе не нравится? Как насчёт того, чтобы я попросила Чжун Цзи осмотреть тебя?

- Не нужно, со мной всё в порядке, просто немного устала.

- Ты собиралась лечь спать?

Испугавшись, что если она ответит «да», Вэй Тинсуй вновь начнёт тревожиться и непременно заставит Чжун Цзи явиться с осмотром - а это лишняя морока, и поспать ей точно не дадут, - Вэньцзюнь поспешно выпалила:

- Да в такой-то час разве можно ложиться? И не думала! Я как раз собиралась переодеться в тренировочный халат и пойти во двор размяться, помахать кулаками.

Вэй Тинсуй мягко улыбнулась, глядя на неё:

- Сестрица действительно полна сил. Однако ты только что чудом спаслась от смерти, так что оставь свои кулаки. Я отвезу тебя в одно место.

Видя, что Вэй Тинсуй ни капли не держит на неё зла, остаётся всё такой же ласковой и даже собирается везти её на прогулку, Чжэнь Вэньцзюнь, не имея под рукой помощников, невольно занервничала. Ей даже на миг показалось, уж не задумала ли госпожа отвезти её на кладбище, чтобы та выбрала себе могилу по вкусу, где госпожа её самолично и закопает ради собственного успокоения.

Она не знала, следовали ли за ними теньевые стражни. Во всяком случае, она не видела рядом никого из слуг. Тогда Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсуй вышли вместе.

Когда Вэньцзюнь бережно внесла Вэй Тинсуй на руках в повозку, непрекращающийся много дней ливень неожиданно утих, и над Жунином раскинулась яркая, величественная радуга. Зрелище было поистине потрясающим.

Чжэнь Вэньцзюнь правила повозкой. Она видела, как жители из всех городских кварталов распахивали окна и двери, замороженно указывая пальцами на небесное знамение и восхищённо цокая языками.

Вэй Тинсуй велела ей держать путь строго на восток, к подножию горы, именуемой Ванцзюнь.

Эту гору Чжэнь Вэньцзюнь знала, потому что в своё время Линь Юэ упоминал её в разговорах, называя гору Ванцзюнь самой высокой вершиной Жунина и священным местом, где многие поколения Сынов Неба династии Юй совершали обряды поклонения предкам.

Вэньцзюнь никак не могла взять в толк, зачем Вэй Тинсуй понадобилось явиться сюда.

Остановив экипаж у самого подножия, Вэй Тинсуй попросила Чжэнь Вэньцзюнь помочь ей

выбраться наружу.

- Посмотри... Похоже? - благоговейно созерцая укутанную густыми туманами Ванцзюнь, которая сейчас напоминала священную обитель скрывшихся от мира бессмертных небожителей, тихо спросила Вэй Тинсюй.

Чжэнь Вэньцзюнь тоже устремила взор на вершину. Она понятия не имела, что именно госпожа имела в виду под словом «похоже», однако с весьма взволнованным видом кивнула и поддакнула:

- И правда, очень похоже.

Вэй Тинсюй сидела верхом на коне, а Чжэнь Вэньцзюнь стояла подле неё. Боясь, как бы та ненароком не соскользнула и не упала на землю, она бережно придерживала её ладонью за спину.

- На северном склоне этой горы есть вырубленная в скале лестница «Небесная тропа», ведущая к самому пику. Вдобавок всё, что выше склона, круглый год окутано плотными облаками. Это место до безумия напоминает те края, где мы встретились с тобой впервые.

Так вот оно что! Чжэнь Вэньцзюнь мысленно возблагодарила небо за то, что не ляпнула в ответ: «А на что похоже?».

И пока она втайне нахваливала себя за сообразительность, Вэй Тинсюй вдруг опустила голову, и в её глазах будто затаилась пелена той самой горной дымки.

- Прежде, когда я ещё не отыскала тебя, стоило мне истосковаться, как я в полном одиночестве приходила сюда. И представить не могла, что сегодня мы сможем стоять здесь вместе. Что ни говори, а провидение под конец проявило ко мне милость.

От этого явного волнения, проступившего в чертах Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь в ту же секунду ощутила отчётливый укол совести. Она прекрасно понимала, что не имеет права на это чувство, однако, присвоив себе чужое имя и заняв место той, кого госпожа так преданно любила и берегла, она заставила Вэй Тинсюй излить всю эту искреннюю нежность не на того человека. Вэньцзюнь невольно задалась вопросом: «Если бы ты узнала, что я не являюсь твоей спасительницей и между нами нет того прошлого, скреплённого кровью и смертью, захотела бы ты привезти меня сюда?»

- У нас с Чжань Инем действительно заключена помолвка, я не стану скрывать это от тебя, - внезапно произнесла Вэй Тинсюй. - Однако у него давно есть возлюбленный, и девицы его совершенно не привлекают. Даже если в будущем нам и придётся сыграть свадьбу, всё ограничится лишь формальной записью в брачном свитке. Мы с Чжань Инем уже обо всём договорились: даже если нашим семьям потребуется этот союз, после свадьбы каждый из нас волен искать утешение на стороне по своему вкусу.

Эти слова Вэй Тинсюй лишили Чжэнь Вэньцзюнь дара речи. Оказалось, госпожа с самого начала видела её насквозь и знала, о чём она думает и из-за чего так горько изводится.

- Браки среди нас, отпрысков знатных родов, никогда не зависели от нашей собственной воли. Свадьбы и замужества вещь самая обыкновенная, по крайней мере, в нынешние времена. Брак - это не более чем рычаг сделок и противовесов, обычная гиря на весах власти.

- Зачем ты говоришь мне всё это? - Чжэнь Вэньцзюнь спросила без обиняков, прямо

оставившись Вэй Тинсюй в глаза.

Вэй Тинсюй не стала выказывать привычную колкость или высокомерие. Напротив, она проявила на редкость мягкий и покладистый нрав, тихо ответив:

- Всё, что ты сделала ради меня, я видела своими глазами и сберегла в самом сердце. Вэньцзюнь, ты для меня... неизмеримо важнее, чем Чжань Ин.

<http://bllate.org/book/17227/1721835>